„Свободная Библіотека“.

№ 5.

ГИ46 р
К.915

Н. Кронинъ.

ТРИ МОМЕНТА РУССКОИ РЕВОЛЮЦІИ.

МОСКВА.
Типографія Московскаго Т-ва Н. Л. Казецкаго, Мясницкая 20
1917.

Б. Кронинъ.

ГИЧБ
К 915 р

Три момента русской революціи.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ46
К915 р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 4096
БИБЛ

69256 У

Классовый характеръ современнаго Государства.

Событія развертываются съ головокружительной быстротой. Въ стремительной смѣнѣ лицъ, направленій и партій подчасъ трудно разобраться, и весь ходъ русской революціи начинаетъ качаться какимъ то хаосомъ, полнымъ случайностей и неожиданностей. Но въ исторіи случайностей не бываетъ. Каждый фактъ исторической жизни является лишь звеномъ въ безконечной неразрывной цѣпи событій, и даже рѣзкія измѣненія, носящія внѣшне форму скачковъ въ ровной нити развитія, никогда не происходятъ безъ достаточныхъ основаній, безъ внутренней желѣзной логики исторической необходимости.

Разгадать эту логику, уловить внутренній смыслъ протекающихъ событій становится совершенно необходимымъ въ сложные и отвѣтственные моменты строительства новыхъ формъ жизни, потому что только тогда можно болѣе или менѣе вѣрно угадать общее направленіе дальнѣйшаго развитія жизненныхъ формъ, когда предыдущій ходъ событій утратилъ для наблюдателя случайность и хаотичность, когда въ немъ уловлена логика и закономѣрность, когда ясно опредѣлена сущность происходящихъ процессовъ.

А для этого необходимо установить общую точку зрѣнія на всѣ историческіе процессы, найти ключъ, вскрывающій смыслъ каждаго историческаго явленія. Такимъ ключомъ является теорія историческаго матеріализма, которая всѣ измѣненія въ общественной и государственной жизни народовъ ставитъ въ тѣсную зависимость отъ формъ народнаго хозяйства, отъ того, какъ протекаетъ и въ какія формы выливается экономическая жизнь страны.

Разница въ экономическомъ фундаментѣ различныхъ общественныхъ группъ вызываетъ дѣленіе современнаго общества на классы. Такъ, тѣ лица, которыя имѣютъ крупную собственность, ввидѣ земель ли, или въ видѣ фабрикъ, образуютъ классъ буржуазіи; люди, живущіе исключительно трудомъ и не имѣющіе ничего, кромѣ своей рабочей силы, которую они продаютъ за деньги капиталистамъ, составляютъ классъ пролетаріевъ. Къ нимъ примыкаетъ до извѣстной степени и крестьянство, которое также весьма сильно зависитъ отъ капиталистовъ. Эти два класса, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ ничтожныхъ численно межъ классовыхъ группъ, составляютъ демократическую часть общества, и интересы ея не совпадаютъ съ интересами буржуазной части. Буржуазія, въ свою очередь, можетъ быть раздѣлена на группы: помѣщиковъ, капиталистовъ и среднюю буржуазію. Между этими группами есть нѣкоторыя различія, но всѣ они сойдутся на одномъ: на томъ, что всѣ они обладаютъ какой либо собственностью, являющейся для нихъ источникомъ дохода.

Всѣ эти классы такъ или иначе принимаютъ участіе въ созданіи экономической жизни страны, и тотъ классъ, чье участіе почему либо больше и значительнѣе, получаетъ большее вліяніе на жизнь страны.

Власть въ государствѣ всегда опирается на какой нибудь классъ. Чѣмъ вліятельнѣе этотъ классъ, чѣмъ большую роль играетъ онъ въ экономической жизни, тѣмъ меньше у власти враговъ, тѣмъ прочнѣе созданный ею строй. Но, конечно, враги будутъ у всякой власти. Если власть находится въ рукахъ буржуазіи, то она будетъ поддерживать интересы буржуазныхъ группъ общества и невнимательно относиться къ интересамъ демократіи. Даже и въ самой буржуазіи власть, находящаяся въ рукахъ помѣщиковъ землевладѣльцевъ не можетъ удовлетворять интересамъ промышленниковъ—капиталистовъ, потому что ихъ интересы не совпадаютъ. Въ то время, какъ одни заинтересованы въ высокихъ цѣнахъ на производимый ими хлѣбъ, другіе наоборотъ, заинтересованы въ низкихъ цѣ-

нахъ, потому что при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ они получаютъ возможность понизить плату рабочимъ. И, благодаря постоянной и непримиримой разницѣ классовыхъ интересовъ, въ современномъ обществѣ всегда идетъ борьба за власть. Если власть находится въ рукахъ самаго сильнаго экономическаго класса, то положеніе его прочно. Но жизнь не стоитъ на мѣстѣ; производственныя отношенія неизмѣнно мѣняются, въ то время какъ формы государственной жизни, основанныя на писаныхъ законахъ, стоятъ на мѣстѣ. Наступаетъ такой моментъ, когда на экономическую сцену выдвигается новая производительная группа; старая группа, которой принадлежитъ власть, теряетъ первенство въ экономической жизни, но продолжаетъ оставаться у власти, благодаря неподвижности, статичности государственныхъ формъ. И въ этомъ случаѣ назрѣваетъ неизбѣжный конфликтъ между властью и страной. Сущность конфликта заключается въ томъ, что непрерывно текущая впередъ жизнь перерастаетъ рамки, поставленныя властью, онѣ становятся для нея тѣсными, и для дальнѣйшаго ея развитія требуются уже новыя, болѣе широкія нормы. Если къ этому времени и въ правящихъ кругахъ произошла передвижка власти, и власть перешла въ руки представителей новаго, болѣе передового класса, то дѣло оканчивается болѣе или менѣе широкими реформами, приводящими въ соотвѣтствіе законы съ измѣнившимися условіями жизни. Но такая передвижка власти возможна лишь при широкомъ парламентаризмѣ, когда къ законодательству и управленію страной причастны болѣе-менѣе широкіе слои населенія. Народное представительство является настолько чуткимъ къ измѣненіямъ экономической конъюнктуры аппаратомъ, что передвижка власти отъ одного класса къ другому совершается нерѣдко сама собой. Если же народное представительство развито слабо, если центральная власть еще сильна и обладаетъ широкой возможностью вліять на судьбы страны, какъ это бываетъ при абсолютизмѣ, то конечно, она не пойдетъ на добровольный отказъ отъ своихъ правъ и преимуществъ, и тогда

неизбѣжной становится революція, сметающая устарѣлую форму власти, вмѣстѣ съ тѣмъ классомъ, на который она опиралась, и передающая власть новому классу, имѣющему наибольшее экономическое значеніе.

Такимъ образомъ революція никогда не является случайнымъ плодомъ заговора кучки людей; она можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда старая форма власти изжила себя, когда классъ, на который опиралась власть, экономически устарѣлъ и усталъ отъ жизни. Революція является востановленіемъ нарушеннаго равновѣсія между сущностью жизни страны и формами управленія ею.

На кого опиралось самодержавіе? Каждой формѣ экономической жизни соотвѣствуетъ и опредѣленная форма правленія.

Самодержавіе является логически допустимымъ и не тормозитъ экономическую жизнь лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ царитъ еще натуральное хозяйство, гдѣ промышленность развита очень слабо, гдѣ капитала почти нѣтъ Въ такомъ государствѣ ходъ экономической жизьни опредѣляется классомъ помѣщиковъ; они являются главной экономической силой не только потому, что сами производятъ хлѣбъ, но и потому, что окружающая ихъ масса крестьянства такъ или иначе находится отъ нихъ въ зависимости. А эта масса—еще крайне некультурна, разобщена, несознательна и забита. Фабричныхъ рабочихъ въ такомъ государствѣ еще нѣтъ; города развиты слабо; торговля также находится въ загаточномъ состояніи, такъ какъ деревня—а она составляетъ девять десятыхъ страны—все необходимое для удовлетворенія своихъ скудныхъ потребностей производитъ сама. Такъ обстояло дѣло въ Россіи приблизительно до середины девятнадцатаго вѣка.

Царская власть опиралась на классъ крѣпостниковъ—помѣщиковъ, который въ тогдашней Россіи являлся единственнымъ производительнымъ классомъ. Промышленность и капитализмъ находились еще въ самомъ зачатномъ состояніи; единственный крупный численно классъ—крестьян-

ство—находился въ крѣпостной зависимости у помѣщиковъ, былъ совершенно безправенъ, теменъ, разрозненъ и самъ непосредственно никакой роли играть не могъ.

Но народившійся и быстро растущій капитализмъ возсталъ противъ крѣпостного труда. Фабрики и заводы требовали свободныхъ, ничѣмъ не связанныхъ наемныхъ рабочихъ; трудъ крѣпостной, подневольный оказался слишкомъ мало продуктивнымъ для фабрично—заводской промышленности; а въ то же время фабрики начали привлекать къ себѣ рабочія руки изъ деревни; бѣгство крестьянъ отъ помѣщиковъ приняло громадные размѣры; въ средѣ крестьянства все шире и шире стало разливаться недовольство цѣпями крѣпостничества. Основа этого недовольства была вполнѣ разумна и экономически обоснована: капиталъ требовалъ для себя свободныхъ наемныхъ рабочихъ. Кабальныя рабскія формы труда устарѣли, перестали быть экономически выгодными. И крѣпостное право пало. Не потому пало оно, что Александръ второй былъ особенно умнымъ и добрымъ человѣкомъ, не потому, что какіе нибудь агитаторы сумѣли сорганизовать крестьянство, а только потому, что наступилъ такой экономическій моментъ, когда оно стало тормозить дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ страны. Еслибъ власть не отмѣнила его, черезъ нѣсколько лѣтъ неизбѣжно вспыхнула бы крестьянская революція, и крѣпостничество такъ или иначе было бы уничтожено. Александръ обладалъ только достаточной дальновидностью, чтобъ не довѣсти дѣло до „отмѣны крѣпостного права снизу“ и спасъ этимъ нѣкоторыя дворянскія привилегіи, потому что, отпустивъ крестьянъ на волю, во время потушилъ начинавшійся пожаръ страстей и далъ крестьянамъ значительно меньше, чѣмъ они желали и чѣмъ они взяли бы сами, въ случаѣ революціи. Эта реформа спасла и самодержавіе, опиравшееся на помѣщичій классъ. Дворянство, при отмѣнѣ крѣпостного права сохранило еще слишкомъ много для того, чтобъ не утратить важную роль въ экономической жизни Выкупные платежи, полученные отъ правительства и оставшіся помѣщикамъ земли позво-

лили имъ продолжать веденіе хозяйства на тѣхъ же почти кабальныхъ основаніяхъ, что и во времена барщины Крестьянство, надѣленное землей далеко не въ достаточномъ количествѣ, сразу же оказалось вынуждено арендовать земли у помѣщиковъ, и вотъ создались такія отношенія, что собственникъ землевладѣлецъ получалъ изрядный доходъ съ своей земли, ровно ничего на нее не затрачивая и объ ней совершенно не заботясь. Эта то группа и являлась главной опорой самодержавнаго строя.

Въ это же время быстро растущій и развивающійся капитализмъ перестраивалъ постепенно на новый ладъ разныя отрасли народнаго хозяйства; все большее и большее распространеніе получалъ машинный трудъ, требующій для своего примѣненія извѣстной высоты культурнаго уровня отъ рабочихъ. Армія наемныхъ рабочихъ непрерывно возрастаетъ; крестьянство надѣленное землей слишкомъ скудно, весь свой приростъ населенія посылаетъ на фабрики и заводы, да и основное то населеніе быстро обезземеливается, съ каждымъ неурожайнымъ годомъ, и также увеличиваетъ рабочую армію. Попутно съ этимъ, быстро растетъ городское населеніе; собранные въ фаричныхъ корпусахъ рабочіе незамѣтно для самихъ себя начинаютъ объединяться, чувствовать общность своихъ интересовъ; нарождается подлинный промышленный пролетаріатъ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ капитализма, прежняя экономическая помощь дворянства быстро падаетъ. Паразитическое, основанное на держаніи въ кабалѣ хозяйство становится просто экономически невыгодно и замѣняется болѣе культурнымъ, основанномъ на раціональныхъ капиталистическихъ началахъ. Капитализму же становится невыгодно держать народъ въ темнотѣ, онъ видитъ, что неграмотные и темные люди на его фабрикахъ—плохіе работники Капитализмъ видитъ, что съ ростомъ культуры и развитія деревни, увеличивается ея покупательная способность, у деревни появляются новыя потребности, новыя привычки, емкость внутренняго рынка увеличивается. А, между тѣмъ,

дворянамъ—землевладѣльцамъ, ведущимъ свое хозяйства на кабальныхъ началахъ, эта сознательность сознательной деревни вовсѣ не нравится; отливъ же крестьянъ на фабрики повышаетъ плату за трудъ. Тѣ землевладѣльцы, которые сумѣли перестроить свое хозяйства на капиталистическій ладъ, которые перешли къ широкому примѣненію машинъ, примыкаютъ къ капиталистамъ—промышленникамъ, Дворяне—кабальники остаются въ одиночествѣ. Но власть еще по прежнему въ ихъ рукахъ, и они пользуются этой властью, чтобъ всячески тормозить начавшееся движеніе. Капиталу и промышленности ставятся преграды; всѣ начинанія, направленныя къ поднятію культурнаго уровня народа объявляются покушеніями на верховную власть; общественность безжалостно преслѣдуется. Это отжившій свою роль классъ отчаянно борется за ускользающую отъ него власть.

Почему такъ легко пало самодержавіе?

Въ Россіи передъ революціей имѣлся уже хорошо развитый классъ капиталистовъ, объединявшій капиталы: промышленный, банковый и сельскохозяйственный. Широко развившаяся за послѣднія десятилѣтія фабрично—заводская промышленность создала численно значительный рабочій классъ. Но, кромѣ нихъ, оставалось еще многомилліонное крестьянство, примыкающее то къ группѣ мелкихъ собственниковъ, то къ пролетаріату, смотря по тому, насколько велика была зависимость даннаго крестьянскаго хозяйства отъ капитала Между этими главнѣйшими классами существуютъ межклассовыя группы: интеллигенція, люди умственнаго труда, обслуживающія капиталъ, или общественныя организаціи, или, наконецъ занимающіяся такъ называемыми свободными профессіями (адвокаты, врачи, журналисты) и мелкая буржузія—ремесленики, значительная часть крестьянства и пр. Но власть продолжала оставаться въ рукахъ дворянъ—землевладѣльцевъ. Не только сами Романовы были крупными помѣщиками, но и все управленіе страной находилось въ рукахъ земельныхъ собственниковъ, и для нихъ всегда находились министерскіе портфели и тепленкія мѣстечки.

И тотъ пережитокъ стараго, докапиталистическаго періода экономической жизни судорожно цѣплялся за ускользающую отъ него власть и велъ поистинѣ трагическую борьбу противъ всѣхъ остальныхъ классовъ русскаго общества. Одинъ противъ всѣхъ! Ни фабриканты, ни банкиры, не говоря уже объ интеллигенціи и демократіи, никто не хотѣлъ оказать ему поддержки.

И, какъ всегда бываетъ съ изживш имъ себя, вымираю щимъ классомъ, онъ самъ съ кажд ымъднемъ мельчалъ и разлагался. Самодержавный режимъ оказался свергнутъ съ такой легкостью не потому, что Николай лично былъ не уменъ, а министры его окружавшіе продажны и бездарны, а все это вмѣстѣ—и глупость Николая и бездарность министровъ — все это явилось слѣдствіемъ экономическаго умиранія того класса, на который всѣ они опирались.

Съ желѣзной неизбѣжностью, экономическій прогрессъ подтачивалъ самыя основы самодержавія, и къ моменту революціи оно прогнило все насквозь, прогнило не какъ династія Романовыхъ, не какъ режимъ Штюрмера и Протопопова, а—какъ система, устарѣло, стало слишкомъ тѣсно для новыхъ формъ жизни. Еесли оно такъ долго сравнительно держалось, то только потому, что раньше не было еще достаточно сильнаго класса, который могъ бы принять отъ него власть. И какъ только такой классъ сорганизовался самодержавіе окончательно рухнуло.

Перестроиться на новый ладъ, опереться на другой, выдвинутый экономическимъ прогрессомъ классъ—оно уже не могло: слишкомъ тѣсными и неразрывными узами связало оно свою судьбу съ классомъ дворянъ-землевладѣльцевъ.

Еслибъ Никола йдалъ отвѣтственное министерство и правильно организованный парламентаризмъ, какъ его просили передъ революціей, онъ конечно спасъ бы династію. Но онъ не сдѣлалъ этого не по глупости или недомыслію, а именно потому, что это означало бы переходъ власти въ руки крупной буржуазіи; классъ на который опиралось самодержавіе, не могъ добровольно отдать власть въ другія руки. И рухнулъ, вмѣстѣ съ самодержавіемъ.

Классъ дворянъ землевладѣльцевъ, ведшихъ хозяйство на кабальныхъ основаніяхъ, группировался около трона и составлялъ партію монархистовъ.

Помѣщики, перешедшіе къ капиталистическому хозяйству и наиболѣе крупные и консервативные капиталисты—

промышленники и банкиры группировались въ партію октябристовъ; болѣе прогрессивные капиталисты а также та часть интелигенціи, которая примыкала къ нимъ и хорошо около капитала кормилась входили въ кадетскую партію. Интелигенція менѣе обезпеченная, мелкая буржуазія: зажиточное крестьянство, ремесленники и пр. примыкали къ партіямъ трудовиковъ и народныхъ соціалистовъ; главная масса крестьянства, давно уже страдающая отъ недостатка земли, образуетъ партію соціалистовъ-революціонеровъ, и наконецъ, рабочій классъ объединенъ соціальдемократической рабочей партіей.

Первый моментъ революціи: Исполнительный комитетъ Государственной Думы.

Въ моментъ революціи, то есть, въ тотъ моментъ, когда жизнь ломаетъ стѣснявшія ее рамки и, какъ рѣка, прорвавшая плотину, стремится впередъ, власть переходитъ обычно изъ рукъ въ руки по порядку партій до тѣхъ поръ, пока не попадаетъ къ тому классу, который наиболѣе соотвѣтствуетъ экономической конъюнктурѣ момента. Отъ старой группы власть принимаетъ ближе всего стоящая къ ней партія. Такъ было и у насъ.

Отъ свергнутаго самодержавія власть надъ страной воспринялъ Исполнительный комитетъ государственной думы. Государственная дума эта, созданная по закону 3 іюня, носила ярко выраженный классовый характеръ и въ большинствѣ своемъ состояла изъ октябристовъ, то есть, крупныхъ помѣщиковъ и промышленниковъ. Эта то дума и приняла власть отъ монархіи. Составъ Исполнительнаго комитета былъ почти сплошь октябристскій.

Правда, моментъ этотъ былъ весьма кратокъ: Исполнительный комитетъ самъ понималъ, что революція ни въ коемъ случаѣ не можетъ остановиться на этой точкѣ, что она только что началась и идетъ значительно дальше и глубже и принимаетъ все болѣе и болѣе широко демократическій характеръ.

Исполнительный комитетъ самъ передалъ власть Временному правительству иного уже состава. Этотъ короткій моментъ, когда власть принадлежала исполнительному комитету, не стоило бы отмѣчать, но онъ слишкомъ харак-

теренъ, онъ ярко иллюстрируетъ закономѣрность движенія власти отъ класса къ классу, онъ является маленькимъ но существеннымъ звеномъ въ цѣпи событій, ведущихъ отъ самодержавія къ демократической республикѣ.

Этотъ моментъ пребыванія у власти октябристовъ потому и былъ такъ кратокъ, что они слишкомъ недалеко ушли отъ монархистовъ, и ихъ программу жизнь переросла давно. Къ чести ихъ нужно сказать, что они не пытались искусственно удержать въ своихъ рукахъ власть. Исполнительный комитетъ не обявилъ самъ себя временнымъ правительствомъ, а сорганизовалъ его изъ партіи лѣвѣе себя, слѣдующей по порядку, изъ кадетовъ.

Второй Моментъ: Временное Правительство Перваго Состава.

Власть перешла къ кадетскому министерству. Отдавая дань демократическимъ теченіямъ въ революціи, кадеты дали одно мѣсто соціалисту-революціонеру, разсчитывая, благодаря этому, наладить добрыя отношенія и совмѣстную работу съ демократіей.

Между тѣмъ, передовой отрядъ демократіи, пролетаріатъ, сорганизовался уже въ свой, чисто демократическій органъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, къ которому быстро стали тяготѣть всѣ истинно демократическіе слои населенія, то есть, всѣ рабочіе, громадное большинство крестьянства и часть интеллигенціи.

Къ временному же правительству кадетскаго состава тяготѣли только кадеты и октябристы. Численный перевѣсъ силъ оказался на сторонѣ совѣтовъ, а отнюдь не на сторонѣ временнаго правительства. Слѣдствіемъ этого явилось двоевластіе и фактическое безсиліе временнаго правительства справиться съ охватившей страну разрухой, внести въ берега порядка разбушевавшуюся рѣку революціи. Пока рѣчь шла о сверженіи самодержавія, какъ мы показали, всѣ классы, кромѣ дворянъ-землевладѣльцевъ, шли за одно: Самодержавіе не защищалъ никто: въ большей или меньшей мѣрѣ оно мѣшало всѣмъ. Но, по мѣрѣ развитія революціи, одна за другой стали отпадать отъ нея буржуазныя группы.

Программа октябристовъ, какъ извѣстно, основывалась на манифестѣ 17 октября. Отнюдь не возражая противъ монархіи, они хотѣли только сколько нибудь сносно устро-

еннаго парламента съ не очень широкимъ избирательнымъ правомъ, которое дало бы возможность подойти къ власти имъ, но не подпустило бы къ ней демократическія партіи. Они хотѣли осуществленія, но и то съ оговорками, политическихъ свободъ, они считали необходимымъ дать кое что,—но очень немного рабочимъ, а въ области земельнаго вопроса ихъ классовая сущность выступала уже съ полной готовностью: не отрицая существованія земельнаго голода, они высказывались за надѣленіе крестьянъ казенными и удѣльными землями, но отнюдь не частновладѣльческими.

Революція въ первые же дни перешагнула черезъ ихъ программу; не остановилась она и на кадетской, въ которой, въ параграфѣ объ образѣ правленія, также стояла конституціонная монархія, и кадетамъ, чтобъ поспѣть за жизнью, пришлось въ спѣшномъ порядкѣ мѣнять этотъ пунктъ программы и замѣнять конституціонную монархію демократической республикой.

Классовый характеръ кадетовъ также не замедлилъ сказаться въ наиболѣе жгучемъ вопросѣ современности: въ вопросѣ о войнѣ.

Прогрессивный капиталъ, представляемый кадетской партіей, не могъ ничего имѣть противъ войны, которая давала ему безконечное количество хорошо оплачиваемыхъ государствомъ заказовъ. Заводы и фабрики работали во всю; цѣны на продукты росли безпрерывно; если и увеличивалось налоговое бремя, то главная его тяжесть падала на плечи трудового народа, а та доля, которая приходилась на капиталистовъ, съ лихвой покрывалась ихъ непомѣрно возросшими барышами. Въ вопросѣ же о цѣляхъ войны кадеты опредѣленно стали на точку зрѣнія желательности завоеваній: для прогрессивныхъ капиталистовъ присоединеніе новыхъ областей — это созданіе новыхъ рынковъ сбыта своихъ товаровъ; разгромъ Германіи для нихъ—это уничтоженіе крупнаго и опаснаго конкурента. А такъ какъ дальнѣйшее веденіе войны не сулило имъ ничего не-

пріятнаго, кромѣ новыхъ барышей, то они и требовали продолженія войны до полной побѣды, до разгрома Германіи, требовали, чтобъ къ Россіи отошелъ Константинополь, Арменія и другія области. Демократія не могла согласиться съ этимъ. Война ничего ей не давала и побѣда ничего не обѣщала, кромѣ возможности черезъ нѣкоторое время новой войны, если Германія захочетъ вернуть то, что у нея отняли. Пріобрѣтеніе новыхъ областей ни въ какой мѣрѣ не входило въ интересы демократіи. Константинополь и Арменія не могли ничего дать ей и не вернули бы съ полей битвы ни одного изъ дѣтей народа, погибшихъ тамъ ради завоевательныхъ стремленій правительства. Не желая порывать съ союзниками, демократія заявила лишь, что, считая виной войны завоевательныя стремленія и не раздѣляя ихъ, демократія при заключеніи мира заранѣе отказывается отъ всякихъ завоеваній и насильственныхъ отторженій чужихъ земель и отказывается отъ контрибуцій.

Кадетское министерство, сознававшее, что оно можетъ обладать властью только при поддержкѣ демократіи, составляющей большинство населенія страны, пошло навстрѣчу этому требованію объединеннной въ совѣты рабочихъ депутатовъ демократіи, и выпустило обращеніе, въ которомъ торжественно заявило, что Россія отказывается отъ аннексій и контрибуцій. Но заявленіе это было не чистосердечно. Буржуазная душа кадета Милюкова и октябриста Гучкова никакъ не могла отказаться отъ соблазнительной надежды уничтожить Германію и заполучить отъ Турціи Константинополь. И на этой почвѣ произошло извѣстное столкновеніе демократіи съ Временнымъ правительствомъ закончившееся выходомъ въ отставку Милюкова и Гучкова и образованіемъ коалиціоннаго министерства.

Въ развитіи революціи произошелъ новый сдвигъ: власть передвинулась еще на шагъ лѣвѣе.

Инв. 9256.

Третій моментъ: коалиціонное министерство.

Такъ же, какъ и въ предыдущій моментъ, группа, держащая въ своихъ рукахъ власть, оказалась правѣе общаго настроенія страны: страна перестала довѣрять ей, власть отстала отъ жизни и оказалась безсильной руководить событіями.

Демократія не могла оказывать полнаго довѣрія правительству съ ярко выраженнымъ буржуазнымъ составомъ. Она согласилась на врученіе ему власти только потому, что не было другой, достаточно авторитетной для момента группы, которая приняла бы на себя бремя власти.

Протестовать въ принципѣ противъ прикосновенія буржуазіи къ власти также не было основаній, потому что русская революція носитъ всенародный характеръ, и въ сверженіи самодержавія принимали участіе всѣ классы.

Къ тому же, русская буржуазія еще настолько молода, нашъ капитализмъ еще только что организуется, и поэтому эти группы въ русской жизни не утратили еще своего прогрессивнаго характера, не выкристаллизовались въ застывшія и консервативныя формы. И когда кадеты изъ Временнаго правительства, желая наладить совмѣстную работу съ демократіей и на нее опираться, обѣщали проводить чисто демократическую программу, демократія не имѣла основаній отказать имъ въ поддержкѣ въ этомъ направленіи, постольку, поскольку ихъ дѣятельность не разойдется съ взглядами демократіи.

Но, когда въ вопросѣ о войнѣ кадеты свернули съ чисто демократической линіи, дальнѣйшая совмѣстная работа съ демократіей стала немыслима, возникла настоя-

тельная потребность перестроить власть такъ, чтобъ демократія была въ ней представлена болѣе широко, чтобъ голосъ ея въ правительствѣ звучалъ болѣе внушительно и властно.

Логически власть должна была перейти цѣликомъ къ слѣдующему по порядку классу: трудовой демократіи, то есть, въ среднемъ, къ трудовикамъ и народно-соціалистамъ, но совсѣмъ отмежеваться отъ буржуазіи демократія не рѣшилась, не чувствуя въ себѣ достаточно силы и учитывая молодость и сравнительную прогрессивность той части буржуазіи, которая входила во временное правительство. Образовалась переходная форма: Коалиціонное министерство, объединившее представителей всѣхъ партій, начиная съ кадетовъ и кончая соціалъ-демократами. Эта комбинація должна была вернуть Временному правительству довѣріе и поддержку самыхъ широкихъ народныхъ массъ. Острота переживаемаго момента позволяла, до извѣстной степени представителямъ соціалистическихъ партій работать вмѣстѣ съ буржуазіей, потому что основные вопросы момента: урегулированіе продовольственнаго кризиса, а главное—внесеніе въ страну порядка и законности, не вызывали разногласій. Входя въ составъ правительства, министры соціалисты поставили рядъ условій, обязательныхъ для правительства, если оно хочетъ пользоваться поддержкой демократіи. Кадеты безропотно приняли эти условія и безъ протеста отреклись отъ аннексій и контрибуцій, лишь бы не порвать съ демократіей, лишь бы не выпустить изъ своихъ рукъ власть.

Что дальше?

Соотвѣтствуетъ ли новый составъ правительства истинному соотношенію классовъ въ Россіи? Въ коалиціонномъ кабинетѣ кадеты, все таки, въ большинствѣ: изъ шестнадцати мѣстъ соціалисты занимаютъ лишь шесть. Конечно, удѣльный вѣсъ этихъ шести пожалуй больше, чѣмъ остальныхъ десяти, потому что за министрами соціалистами стоитъ вся русская демократія, которая, въ случаѣ конфликта ихъ съ кадетами, весьма энергично поддержитъ ихъ. И кадеты сознаютъ это. Когда министръ торговли Коноваловъ разошелся во взглядахъ съ министромъ труда Скобелевымъ, то вышелъ въ отставку Коноваловъ, и никто не думалъ уговаривать его, а положеніе Скобелева ничуть не пошатнулось.

За министрами соціалистами стоитъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, вліяніе котораго, по мѣрѣ роста организованности рабочаго класса, все возрастаетъ и возрастаетъ, а за кадетами—никакихъ организованныхъ массъ нѣтъ. Но, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать, что семьдесятъ процентовъ населенія Россіи составляетъ крестьянство, которое никогда не пойдетъ за кадетами и никогда не будетъ поддерживать ихъ программы, требующей отчужденія частновладѣльческой земли „по справедливой не рыночной оцѣнкѣ“.

У крестьянства есть свои партіи: соціалисты—революціонеры, народно-соціалисты и трудовики; эти партіи во временномъ правительствѣ представлены весьма слабо. Конечно, интересы крестьянства во временномъ правительствѣ поддержатъ и министры соціалъ-демократы, но, все таки,

если исходить изъ принципа представительства, то соціалъ-демократы представительствуютъ не отъ крестьянства, а отъ рабочаго класса.

Всѣ чисто демократическіе слои русскаго общества составляютъ не менѣе восьмидесяти процентовъ его; представителей же демократіи въ коалиціонномъ кабинетѣ менѣе сорока процентовъ; буржуазія же, составляющая только двадцать процентовъ населенія Россіи, имѣетъ въ кабинетѣ больше шести десяти процентовъ.

Но одна только численность еще не рѣшаетъ дѣла. Еслибъ общую линію нашей экономической жизни опредѣляла буржуазія, то не было бы ничего ненормальнаго въ пребываніи ея у власти. Однако, это не такъ. Мы уже указывали, что капитализмъ въ Россіи еще только развивается, что наша фабрично-заводская промышленность стоитъ еще на очень невысокой степени развитія; главнѣйшимъ же нашимъ національнымъ богатствомъ, источникомъ всего нашего экономическаго благополучія является хлѣбъ. На немъ держится весь нашъ торговый балансъ. Урожай или неурожай опредѣляетъ весь ходъ нашей экономической жизни: и торговлю и промышленность. Курсъ нашего рубля тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ торговлей хлѣбомъ и вообще предметами сельскаго хозяйства. И главнымъ производителемъ этого національнаго богатства является крестьянство.

Такимъ образомъ, буржуазія и экономически не имѣетъ никакого права на государственную власть. И, еслибъ крестьянство было слитно и однородно, какъ классъ, еслибъ оно обладало болѣе высокой степенью культурности и организованности, то оно несомнѣнно давно уже взяло бы власть въ свои руки. Но дѣло въ томъ, что оно не однородно. Наряду съ испытывающими острый земельный голодъ, цѣликомъ зависящими отъ капитала землепашцами, въ его средѣ немало и мелкихъ помѣщиковъ, владѣющихъ небольшими имѣньицами и являющимися типичными представителями мелкой буржуазіи. Къ тому же,

организація крестьянства подвигается впередъ очень туго, недостатокъ культуры и темнота, въ которой держало деревню самодержавіе, сильно мѣшаютъ деревнѣ проникнуться началами гражданственности и политически воспитаться. Благодаря всему этому, за крестьянство до извѣстной степени приходится говорить другому классу: рабочему. Но интересы крестьянина и рабочаго не совпадаютъ по всей линіи. Рабочій можетъ понимать разсудкомъ тяготѣніе крестьянина къ землѣ, но чувствовать полностью это тяготѣніе можетъ только крестьянинъ: а онъ, въ свою очередь, не можетъ полностью уяснить и прочувствовать требованіе рабочимъ восьмичасоваго рабочаго дня.

Вотъ причина, почему совѣтъ рабочихъ депутатовъ, имѣя право, въ извѣстной степени, говорить отъ имени крестьянства, полностью, представительствовать отъ него не можетъ, и самый близкій, самый больной, самый насущный для крестьянства вопросъ о землѣ никто, кромѣ самого крестьянства рѣшать не компетентенъ.

Истинное соотношеніе партій и классовъ выявится полностью въ Учредительномъ собраніи, избранномъ совершенно свободно отъ всего народа.

Легко себѣ представить, что большинство членовъ Учредительнаго собранія будутъ крестьяне, замѣтная часть—рабочіе, такъ какъ, рабочіе, какъ классъ, сорганизованы лучше и стройнѣе всѣхъ остальныхъ классовъ; представителямъ же буржуазіи достанется весьма немного мѣстъ.

Какъ извѣстно, Временное правительство не правомочно разрѣшить никакіе важные вопросы, касающіеся общаго устройства Россіи: его задача—подготовлять страну къ Учредительному собранію. Отсюда еще разъ явствуетъ, что представительство въ немъ разныхъ классовъ, составляющихъ населеніе Россіи, должно болѣе строго соотвѣтствовать истинному соотношенію классовъ.

Возможность четвертаго момента.

Отсюда логически можно заключить, что коалиціонное министерство—еще не послѣдняя стадія развитія революціи, что дальнѣйшій сдвигъ влѣво неизбѣженъ, и буржуазія должна уступить еще нѣсколько мѣстъ представителямъ чистой демократіи. Какъ это произойдетъ — путемъ ли эволюціоннымъ, то есть, постепенной замѣной буржуазныхъ министровъ министрами соціалистами, или путемъ полной замѣны всего кабинета,—предсказать не беремся.

Во всякомъ случаѣ, смыслъ новой комбинаціи долженъ заключаться въ томъ, чтобъ изъ временнаго правительства исчезла послѣдняя тѣнь безотвѣтственности, чтобъ все оно, въ полномъ составѣ было отвѣтственно въ своихъ дѣйствіяхъ передъ органомъ революціонной демократіи, совѣтомъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, который, до созыва Учредительнаго собранія, долженъ исполнять роль парламента.

Отвѣтственность эта необходима для того, чтобъ широкіе слои демократіи сознательно и планомѣрно оказывали содѣйствіе работѣ правительства, для того, чтобъ народъ точно зналъ, что дѣлаютъ и куда ведутъ его министры. Въ настоящее время часть такой отвѣтственности уже создана: всѣ министры соціалисты даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, но буржуазные министры никакого отчета никому не даютъ и несомнѣнно во многихъ отношеніяхъ тормозятъ работу своихъ товарищей по кабинету соціалистовъ.

Политика временнаго правительства продолжаетъ во многихъ областяхъ и вопросахъ сохранять характеръ нерѣшительности, не энергичности. Отсутствіе единой твердой руководящей власти сказывается во многихъ мѣропріятіяхъ. Это является результатомъ именно того, что власть находится въ рукахъ не одного класса, а нѣсколькихъ, и каждому изъ нихъ для того, чтобъ работать совмѣстно съ сосѣднимъ классомъ, приходится хотя бы отчасти итти на уступки.

Коалиціонное министерство напоминаетъ сейчасъ двухъ пѣшеходовъ, изъ которыхъ одинъ идетъ очень медленно, а другой быстро, и второй подъ руку волочетъ за собой перваго. Буржуазная часть министерства съ каждымъ шагомъ все больше и больше отстаетъ отъ революціи; демократическая часть его стремится поспѣть за ней и тащитъ за собой своихъ спутниковъ и при этомъ неизбѣжно отстаетъ и сама. Въ концѣ концовъ наступитъ моментъ, когда власть слишкомъ сильно отстанетъ отъ жизни. Тогда демократической части министерства придется бросить тащить своихъ неповоротливыхъ товарищей для того, чтобъ догнать ушедшую впередъ жизнь, сумѣть отвѣтить на ея запросы, сумѣть попасть въ ногу съ событіями.

Каковы же задачи широкихъ слоевъ демократіи до этой перестройки власти?

Отказывать въ поддержкѣ и довѣріи современному составу временнаго правительства во всякомъ случаѣ политически безтактно. Во первыхъ, необходимо помнить, что за тѣмъ, чтобъ оно не свернуло съ демократической дороги неустанно слѣдятъ и снаружи и внутри: снаружи партіи и совѣтъ рабочихъ депутатовъ; внутри — вошедшіе въ составъ правительства по полномочію совѣта министры соціалисты.

Самымъ авторитетнымъ, самымъ близкимъ для широкихъ слоевъ демократіи органомъ является совѣтъ рабочихъ депутатовъ. И до тѣхъ поръ, пока онъ оказываетъ

довѣріе правительству, пока онъ не отзываетъ изъ состава его своихъ представителей,—итти противъ него—значитъ дробить силы революціи, уменьшать ея организованность, ея стойкость и слѣдовательно косвенно способствовать контръ-революціи. Никогда не нужно пытаться торопить исторію; эти попытки такъ же смѣшны и безплодны, какъ попытки одного человѣка ускорить ходъ поѣзда, подталкивая его сзади.

Часть русской соціалъ-демократіи высказывается за передачу всей полноты власти совѣтамъ рабочихъ депутатовъ. Но не нужно забывать, что совѣты — классовая организація, представительствующая отъ рабочаго класса численно незначительнаго, экономически въ современной Россіи слабаго. Еслибъ по всей Россіи также широко, какъ совѣты рабочихъ депутатовъ, организовались совѣты крестьянскихъ депутатовъ и создали бы свой центральный органъ, то этотъ органъ, совмѣстно съ центральнымъ органомъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, имѣлъ бы политическое право на полноту власти, потому что онъ представлялъ бы подавляющее большинство населенія Россіи. Но организація крестьянскихъ совѣтовъ идетъ очень медленно и врядъ ли скоро закончится. А тамъ уже будетъ совсѣмъ недалеко до учредительнаго собранія, которое совершенно безспорно будетъ обладать всей полнотой власти и авторитета въ рѣшеніи всероссійскихъ вопросовъ.

Эта точка явится завершеніемъ поступательнаго движенія русской революціи. Здѣсь форма власти придетъ въ полное соотвѣтствіе съ соотношеніемъ классовъ въ странѣ, съ экономической значительностью ихъ. Власть обопрется на болѣе значительный экономически классъ, и между формами власти и сущностью экономической жизни установится равновѣсіе,—до тѣхъ поръ, пока экономическая значительность не перейдетъ къ другому классу, пока первый классъ не потеряетъ своего вліянія.

Широко и правильно организованное народное представительство даетъ основаніе полагать, что въ этомъ случаѣ

для перехода власти къ другому классу, для перестройки ея на новыхъ началахъ не потребуется рѣзкой ломки, принимающей характеръ революціи. Сдвигъ этотъ произойдетъ постепенно; просто, по мѣрѣ роста вліянія новаго класса, представительство его въ будущемъ парламентѣ, а слѣдовательно и въ будущемъ правительствѣ будетъ усиливаться до тѣхъ поръ, пока представители этого класса не получать тамъ преобладанія. Съ другой стороны, предыдущій классъ, экономически слабѣя, самъ собой будетъ отходить отъ власти, не цѣпляясь за нее, какъ цѣплялось самодержавіе, потому что народовластіе является самой гибкой формой правленія, которая сама собой автоматически приспособляется къ происходящимъ въ странѣ измѣненіямъ производственныхъ отношеній.

Часть русской соціалъ-демократіи-большевики—настаиваютъ на необходимости перехода всей полноты власти въ руки представителей рабочаго класса сейчасъ и выставляютъ нѣкоторыя требованія чисто рабочей, соціалистической программы.

Въ логическомъ перемѣщеніи власти отъ класса къ классу ничего нѣтъ нелѣпаго въ томъ, если власть, побывавъ у октябристовъ, у кадетовъ, задержавшись у буржуазно—демократической группы перейдетъ къ слѣдующей по порядку группѣ: соціалъ—демократической. Нужно отвѣтить только на вопросъ, соотвѣтствуетъ ли этотъ переходъ реальному соотношенію и распредѣленію русскаго общества на классы, то есть, имѣетъ ли основанія этотъ переходъ съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рабочій классъ является самымъ передовымъ, революціоннымъ въ обществѣ. Ему, какъ носителю идей соціализма принадлежитъ будущее. Онъ одинъ въ современномъ обществѣ съ полнымъ спокойствіемъ и надеждой можетъ смотрѣть впередъ на то соціальное броженіе которое мало по малу охватываетъ весь земной шаръ; потому что это броженіе несетъ ему освобожденіе и торжество.

Совершенно вѣрно также, что русская революція носитъ не только политическій характеръ, но имѣетъ въ себѣ элементы и соціальные и экономическіе, потому что она заново перестраиваетъ взаимоотношеніе классовъ между собой и подвергаетъ коренному пересмотру всю экономическую систему государста. Вѣрно, наконецъ, и то, что ни одинъ изъ классовъ не обладаетъ такой организованностью, такой стройностью и дисциплинированностью, какъ классъ рабочій.

Но въ вопросѣ о врученіи ему полноты власти необходимо кромѣ всего этого, учитывать также значительность этого класса въ общемъ укладѣ жизни Россіи, необходимо ясно и точно отвѣтить на вопросъ, сумѣетъ ли этотъ классъ удовлетворить насущныя нужды большинства населенія Россіи, сможетъ ли онъ вести такую политику, которая встрѣтитъ поддержку и одобреніе этого большинства. И здѣсь, прежде всего, придется признать, что рабочему классу принадлежитъ будущее, но не настоящее.

Процессъ развитія капитализма ведетъ къ постепенному исчезновенію, къ вымиранію всѣхъ промежуточныхъ классовъ, какъ мелкая и средняя буржуазія. Капиталъ, захватывая экономическую жизнь все больше и больше, приникая все глубже въ нее, съѣдаетъ постепенно мелкихъ собственниковъ, отбрасывая ихъ въ ряды пролетаріата, подчиняетъ себѣ мелкое производство, замѣняя его крупнымъ, и передъ этимъ процессомъ концентраціи капитала, сосредоточенія его въ однихъ рукахъ—безсильны всѣ человѣческія усилія: это законъ экономическаго развитія. Не минуетъ его и наше крестьянство. Такъ или иначе, рано или поздно, оно также окажется въ полной зависимости отъ капитала, и только тогда полностью пойметъ оно, что значитъ борьба за соціализмъ, только тогда требованія рабочаго класса станутъ ему вполнѣ понятны. До тѣхъ же поръ крестьянство не сможетъ цѣликомъ принять рабочую программу. До тѣхъ поръ интересы крестьянства не будутъ интересами пролетаріата и наоборотъ. Какъ ни какъ, каждый почти

крестьянинъ владѣетъ орудіями производства. Если не земля то лошадь, соха, борона, весь инвентарь составляютъ его собственность тогда какъ пролетарій работаетъ орудіями и на машинахъ, принадлежащихъ капиталисту; какъ ни какъ, а крестьянинъ, хоть и зависитъ отъ рынка, на который онъ продаетъ хлѣбъ, но въ обработкѣ то его не зависитъ ни отъ кого, кромѣ погоды.

И поэтому то въ вопросѣ о землѣ рабочему и крестьянину столковаться очень трудно. Рабочій, говоря о рѣшеніи земельнаго вопроса, будетъ думать о такой формѣ рѣшенія, которая не затормозила бы движенія была бы прогресивна. У крестьянина же въ большинствѣ случаевъ соціалистическіе горизонты заслонены тягой къ землѣ, стремленіемъ улучшить свое собственное хозяйство, свой домъ, свой инвентарь, свой скотъ.

Переходъ всей полноты власти къ рабочему классу означалъ бы разрѣшеніе земельнаго вопроса въ направленіи соціалистическомъ. Но вполнѣ возможно, что крестьянская масса, не проникнутая еще идеями соціализма, подобнымъ рѣшеніемъ вопроса была бы недовольна. А численно эта масса во много разъ превышаетъ численность пролетаріата.

Создалась бы диктатура пролетаріата, незначительнаго по численности класса, надъ всѣми остальными девяноста процентами населенія Россіи. Конечно, съ точки зрѣнія соціализма, рабочій классъ велъ бы совершенно правильную политику, но тотъ же экономическій матеріализмъ весьма опредѣленно указываетъ, что для наступленія соціализма, для крушенія капиталистическаго строя, необходимы опредѣленныя производственныя отношенія, необходима весьма высокая степень развитія капитализма, необходимо, если не полное исчезновеніе, то во всякомъ случаѣ, разложеніе промежуточныхъ группъ; на экономической аренѣ должны остаться два главнѣйшихъ класса: пролетаріатъ и капиталисты. Одинъ — богатый своей численностью и сплоченностью; другой — накопленными въ немногихъ рукахъ богатствами.

Ничего подобнаго у насъ еще нѣтъ. И капитализмъ и рабочій классъ еще очень слабы и невліятельны. Стремленіе же подтолкнуть ходъ исторіи—никогда не даетъ хорошихъ результатовъ.

Задача пролетаріата въ русской революціи совершенно ясна: прежде всего это задача организаторская: сорганизовать около себя на почвѣ демократизма наибольшее количество силъ, а затѣмъ принимая энергичное участіе въ строительствѣ новой Россіи, очищать дорогу для правильнаго экономическаго прогресса, бороться со всякими пережитками реакціоннаго докапиталистическаго періода народнаго хозяйства и всемѣрно готовиться къ тому моменту, когда вліяніе его возрастетъ настолько, что власть перейдетъ въ его руки.

Захватить же сейчасъ власть это значило бы остаться въ одиночествѣ, потому что пролетаріатъ не можетъ пойти съ буржуазіей, а крестьянству онъ также долженъ указать на разность интересовъ и тѣмъ самымъ оттолкнуть его отъ себя. Создалась бы изолированность пролетаріата отъ всѣхъ остальныхъ классовъ. Если бъ онъ былъ численно больше и экономически значительнѣе, эта изолированность не была бы страшна. Но при томъ положеніи, которое занимаетъ пролетаріатъ въ современной Россіи, подобная изолированность равносильна безсилію и фактическому отсутствію власти.

И политическая мудрость подсказываетъ пролетаріату единственно правильную линію поведенія: не порывать со своими попутчиками, хотя бы отъ нихъ и пахло мелкой буржуазіей, до тѣхъ поръ, пока ему съ ними по пути, то есть, до демократической республики. Безпощадно разоблачая буржуазный характеръ своихъ попутчиковъ внутри себя, рабочій классъ не имѣетъ выгоды рѣзко отмежевываться отъ нихъ. Онъ долженъ сознавать, что дороги его съ мелкой буржуазіей общія только до опредѣленной точки, но и теперь итти разными дорогами только потому, что послѣ придется разойтись въ стороны — нѣтъ смысла. На-

оборотъ, необходимо использовать, въ своихъ выгодахъ всѣ тѣ классы и группы, которые годятся во временные попутчики, потому что есть и такія группы, съ которыми и сейчасъ весьма не по пути, съ которыми демократія борется и вынуждена будетъ еще долго и серьезно бороться.

И для полнаго успѣха этой борьбы необходимо сплотиться большему количеству общественныхъ группъ.

И только тогда, когда общедемократическая цѣль будетъ достигнута, демократическая республика станетъ на твердыя ноги, временные попутчики смогутъ разойтись въ разныя стороны и каждый пойдетъ своей дорогой.

Библиотека
Института В. И. Ленина

Цѣна 30 коп

Книгоиздательство „НАБАТЪ“.

Библіотека „Къ воросу дня.“

1.	Что читать ціалисту - республиканцу?	А. Лесагинъ.	Ц. 20 к.
2—3.	Свобода совѣсти	Л. Гинзбургъ.	„ 400
4.	Свобода личности	П. Рудикъ.	„ 2 „
5.	Свобода организацій, союзовъ и собр.	П. Рудикъ.	„ 20 „
6.	Свобода печати	Е. Рѣз—кій.	„ 20 „
7.	Свобода слова	Л. Теплицкій.	„ 20 „
8—10.	Эрфуртская программа К. Каутскаго .	Л. Теплицкій.	„ 75 „
11.	Наши политическія партіи и ихъ программы	Гракхъ.	„ 20 „
12.	Крестьянская воля и земельный вопросъ	Е. Рѣз—кій.	„ 20
13.	Учредительное Собраніе и подготовка къ нему	Гракхъ.	„ 20 „
14—15.	Россійскіе Соединенные Штаты (Федеративная республика)	С. Займовскій.	„ 40 „
16—18.	Толкователь словъ	А. Лесагинъ.	„ 60 „
19.	Церковь въ обновленной Россіи . . .	Н. Фіолетовъ	„ 20 „
20.	Нравственность и общество . .	А. Менгеръ, пер.,	„ 20 „
21.	Нравственность и личность . .	Л. Гольденвейзеръ.	„ 20 „
22.	Объ улучшеніи нравственности.		„ 20 „
23.	Трудовая интеллигенція	Е. Рѣз—кій.	„ 20 „

Библіотека „Памяти прошлаго“.

1.	Памяти славныхъ борцовъ за свободу. Вып. 1	Л. Самойловичъ.	„ 50 „
2.	Памяти славныхъ борцовъ за свободу Вып. II.		„ 50 „
3—4.	Изъ исторіи погромовъ въ Россіи (официальные документы		„ 50 „
5.	Паденіе царской власти (съ портретомъ автора)	В. Короленко.	„ 25 „
6.	Изъ исторіи революціонной дѣятельности черноморскаго флота . . .	Л. Левдовичъ.	„ 25 „
7—9.	„Нелегальныя“ партіи, политическіе процессы и политическіе „преступники“ въ Россіи“	Л. Самоиловичъ.	„ 75 „

Выпуски 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10 иллюстрированы снимками съ картинъ, фотографіями, портретами.

Уступка для земствъ и книгопродавцовъ до 100 экз. каждаго № 25%, а свыше 30%.

Безъ задатка книги никому не высылаются.

1. Редакція: Мясницкая; 20.

2. Складъ изданій: Москва, Арбатъ, 35. Книжный магазинъ ГМ. Браиловскаго, телеф. 1-23-64.